

Николай Горнов

Трафик

Николай Горнов

Трафик

«Автор»

2005

Горнов Н. В.

Трафик / Н. В. Горнов — «Автор», 2005

«...– Сознавайся, друг мой, Георгий, это твои проделки с черепом? Жора промолчал, глядя в одну точку.– Да, напрасно ты так поступил, Георгий...– Георгий, хочу напомнить, что мы здесь не в индейцев играем. Ошибка слишком дорого обходится...– Ой, только не надо этого пафоса, – скривился Жора. – А кто по весне девочку невинную приговорил? Я что ли? А ей и восьми лет еще не исполнилось. Могла бы жить и жить...»

Содержание

001.	5
002.	6
003.	7
004.	8
005.	9
006.	10
007.	11
008.	12
009.	13
010.	14
011.	15
012.	16
013.	17
014.	18
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Николай Горнов

Трафик

*И сказал мне Ангел: что ты дивишься?
я скажу тебе тайну жены сей и зверя...*
Откровение, 17-7

001.

002.

Вера проснулась, когда автобус подбросило на самой большой колдобине. Тряхнув пегими кудряшками, она с недоумением огляделась по сторонам. Пейзаж её не впечатлил. Раскисшая дорога разрезала пополам унылые осенние поля.

– Что, уже приехали? – Вера машинально протерла ладошкой запотевшее стекло.

– Спи, – буркнул в ответ Жора и передвинул свой рюкзак поближе к ногам. Ему тоже не нравилась дорога. И погода ему не нравилась. Не нравился и умирающий на каждом повороте автобус – тупорылый, с узкими дверями и жесткими сиденьями.

Водитель принял бородатую шутку всерьез и решительно затормозил. Первой на торможение отреагировала сумка Веры. Она медленно сползла с верхней багажной полки и острым углом упала на хозяйку. Вера закрыла голову руками и рухнула в узкий проход между сиденьями, зацепив клеть с полудохлыми цыплятами, которую везла с собой молодая пара. Клеть раскрылась. Цыплята яркими желтыми комочками раскатились по полу. Парень с девушкой охнули и бросились их собирать.

003.

В маленькой комнате было семь коек. Во второй комнате – большой, где стояли четырнадцать коек – поселился Жора. Было еще одно помещение, которое прежние постояльцы использовали, видимо, в качестве кухни. Там сохранился стол в комплекте с пятью табуретками, и даже имелась закопченная газовая плита на четыре конфорки. Из четырех работала лишь одна, как сразу выяснил Жора. Завхоз, пока искал ключи, рассказал, что гостиницу уже лет двадцать не ремонтировали. Да и селили туда редко. Залетной бригаде строителей из Южного Туркестана, которые готовы были работать за сущие гроши, даже такой убогий комфорт был не по карману. Они спали обычно там, где работали – вповалку.

004.

005.

006.

007.

008.

— Из достоверных источников.

009.

010.

011.

— Настоятельно требую сдать личное оружие, Ваша Честь!

Новиков закашлялся. Вроде бы привычная фраза, которую он раньше произносил сотни раз, даже не задумываясь. И лишь сейчас неожиданно резанула её фальшь.

К вечеру дождь плавно сменился снегом, который кружил вокруг фонарей и таял, перемешиваясь с землей. Новиков не торопился. Он специально выбрал самую длинную дорогу к дому управляющего. Кажется, тот отправил свою жену к сестре в Русскую Поляну. Вместе с детьми. И хорошо. Значит, никто не помешает...

– Сознавайся, друг мой, Георгий, это твои проделки с черепом?

Жора промолчал, глядя в одну точку.

– Да, напрасно ты так поступил, Георгий...

– Георгий, хочу напомнить, что мы здесь не в индейцев играем. Ошибка слишком дорого обходится...

– Ой, только не надо этого пафоса, – скривился Жора. – А кто по весне девочку невиновную приговорил? Я что ли? А ей и восьми лет еще не исполнилось. Могла бы жить и жить...

– Кто тебе рассказал про девочку? – вздохнул Новиков. – Впрочем, можешь не говорить. Мне уже все равно...

– И не скажу. Немного вам осталось над людьми измываться. Завтра утром здесь будет дознаватель из внутренней безопасности. И не один, а с группой силовой поддержки!

– Заткнись, а то вторая пуля попадет в голову, – предупредил Новиков. – Вообще-то, вас обоих стоило бы пристрелить, но настроения нет. Так что сегодня у вас счастливый день. Бинты есть?

Управляющий побледнел еще больше и быстро закивал.

– Неси. И липкую ленту тоже неси. Сначала его перебинтуешь, а потом примотаешь к стулу. Уж извини, тебя мне тоже придется упаковать. И не паникуй. Ничего с ним не случится. Рана чистая. Пуля прошла навывлет через мягкие ткани бедра. Кость не задета. Артерия тоже. Заживет, как на собаке. Пусть хоть память у него обо мне останется...

012.

Дальний свет Новиков не включил. Даже в такую скверную погоду мощный луч галогенных фар был бы заметен издалека. Спасало то, что «Скаут» управляющего цеплялся за дорогу уверенно. Может и лучше, что мягкий первый снежок обернулся к ночи настоящей метелью. Больше шансов уйти незамеченными...

013.

014.

Над желтой степью пронесся низкий звук ревуна. Сполохи от проблескового маячка отразились в затемненных обтекателях двенадцати комбайнов «КЕЙС», растянувшихся уступом по пшеничному клину крестьянского товарищества «Победа». На призывный зов зерноуборочной машины без промедления бросился стоявший в отдалении тяжелый зерновоз...

Бригадирская машина шла по традиции первой. От колпака обтекателя тянуло приятной прохладой. По кабине струился кондиционированный воздух. Гидравлическая подвеска работала безупречно. Бригадира Плотникова от мягкого покачивания даже слегка клонило в сон. Он встряхнул головой и покосился на индикатор наполнения бункера. Еще раз убедился, что зерно прибывает с хорошим темпом. Лето было в меру жарким, да и дождей хватало, так что пшеница в Западной Сибири удалась. Даже в восточной лесостепи намолачивали сейчас по три тонны с гектара, а на юге и четыре тонны уже никого не удивляли.

Рёв тысячесильного двигателя едва пробивался сквозь гул кондиционера. Бригадир снова взглянул на приборную панель – уже внимательней. Топливный бак, уровень масла, тахометр. Все показатели были в норме. Заправщик будет примерно через час. Топлива – с запасом. Всё шло по плану. Однако с самого утра его не покидало непонятное ощущение тревоги...

– Первый, у нас проблема, – захрипел в динамике голос оператора замыкающей машины. – Седьмой и восьмой встали!

– Понял тебя, двенадцатый! – отозвался Плотников. – Это первый. Внимание всем машинам! Экстренная остановка!

Тяжелые комбайны по инерции проутюжили еще десяток метров поля и замерли почти одновременно. Плотников приоткрыл дверь кабины и выглянул, придерживаясь за поручень. С замыкающего комбайна спрыгнул Валёк. Плотников махнул ему рукой и почувствовал, как мгновенно покрывается потом. Душный и пыльный воздух ворвался в кабину и растекался по ней как студень. Ни вдохнуть, ни выдохнуть.

– Чертова жара! – буркнул Плотников. – Седьмой, восьмой, как слышите, прием! Что там у вас, черт подери, происходит? Шестой, пятый, девятый. Кто-то может мне, наконец, ответить?

– Первый, это девятый. Чего-то Валера чудит, похоже...

Плотников повис на поручне. Прищуриваясь от яркого солнца, он пытался разглядеть хоть что-нибудь. На обоих комбайнах работали опытные операторы – Семён и Валерка. И оба выходили с ним в поле уже не первый год. И вот сейчас по какой-то непонятной причине они одновременно остановились, одновременно спрыгнули на землю и, освобождаясь на ходу от оранжевых комбинезонов, пошли пешком через нескошенное поле. На запад, куда уже начало клониться солнце.

– Ядрёнаматрёна! – Плотников и непроизвольно схватился за левый бок. – Так это Сибирка!

Обливаясь потом и размахивая руками, Плотников спрыгнул с подножки и побежал наперерез Вальку – вдоль вращающихся по инерции десятиметровых жаток. Семёну с Валеркой уже никто помочь не может. К ним вообще нельзя было приближаться. И даже смотреть на них не стоило бы...

В тот год ему исполнилось семь. И отец наконец-то поддался уговорам и взял его с собой в поле. А после обеда сосед дядя Миша вот так же неожиданно остановил свой комбайн, выбрался из кабины, спокойно вытер руки о ветошь, оглядел всех невидящим взглядом и молча побрел через поле. Шел дядя Миша почти сутки. И все время на запад. Потом опустился на землю и умер. Со счастливой улыбкой на лице. А когда похоронили дядю Мишу, отец и рассказал ему про Сибирскую горячку. Впрочем, он и сам знал о ней не слишком много...

Плотников успел. Ухватил Валька за ляжку комбинезона и резко рванул вниз. От неожиданности тот споткнулся и зарылся носом в землю. Для верности Плотников еще и навалился на него сверху.

– Даже и не думай к ним подходить!

– Ты чё, бригадир? – искренне удивился Валёк, отплеываясь. – А вдруг им наша помощь нужна?

– Молод ещё. Сказано тебе: не подходи, значит, не подходи. Иди за мной. И назад не оглядывайся. Усек?

Валёк послушно кивнул.

Встретили их молчанием. Восемь операторов присели кружком у заднего колеса бригадирской машины. По кругу шла длинная самокрутка. Судя по запаху, в бумажном обрывке тлела смесь черного полевого табака и сушеных семян Чуйской конопли. Кто-то подвинулся, освободив два места. Бобёр – он был самым старым в бригаде Плотникова – поскреб седой затылок.

– Сейчас не надо суетиться, да. Проводим их по-хорошему. А ловить уже завтра будем...

Плотников с тоской оглядел желтое пшеничное море и запрыгнул на подножку своей машины. Дотянулся до селектора, передвинул регулятор на дальнюю связь.

– Диспетчерская, это Плотников. Сибирская горячка у нас.

– Плотников, ты не иначе пьяным в поле вышел или на солнце перегрелся?

Бригадир поморщился.

– Не шуми, Мария. Сибирку я ни с чем не спутаю, и шутить сегодня не в настроении. Мы свои машины уже заглушили. Будем ждать начальство...

Новиков сидел рядом с Жорой и всей кожей ощущал мутный поток негативных эмоций. Но другого свободного техника за такой короткий срок найти было невозможно. Уезжать утром. Узнал он о задании вечером. Значит, либо Жора, либо никто. Арбитр Новиков думал, как правило, быстро. И уже спустя пару минут на стол руководителю Территориального управления Министерства общественной безопасности по Омской губернии Его Превосходительству Владлену Пономареву лег проект приказа. Так в составе Третьего полевого Трибунала в качестве технического специалиста оказался Георгий Свиридов, более известный как Жора Катастрофа...

– Меня сейчас вырвет, – громко заявил Жора. – Если не остановимся, я за себя не отвечаю!

Тут же встрепенулась до того мирно дремавшая пожилая дворняга и прикусила Веру за левую ягодицу. Хозяин собаки смутился и заехал ей сапогом по носу. Дворняга заскулила от обиды и забила под сиденье. Пассажиры завздохали и заохали. Только зачинщик суматохи с напускным недоумением озирался по сторонам. На Жорином лице медленно расплывалась улыбка.

Когда шум утих, из кабины выбрался водитель.

– Это кто тут блевать собирался? – поинтересовался он, угрожающе сжимая монтировку. Взгляд его уткнулся в Жору. – Всё, городской, для тебя, ёлки, конечная!

– Это почему же? – завелся тот с пол-оборота. Жора был на голову ниже деревенского водителя. Но в тесном пространстве салона итог драки зависел больше не от силы, а от опыта. Новиков это знал. Еще он знал, что Жора никогда не упускал возможности подраться, так что боевого опыта ему было не занимать. Вот только в планы Новикова стычка с местным населением никак не входила.

– Всё, базар окончен, – решительно сказал он и встал между Жорой и водителем. – Мы сейчас берем свои вещи и выходим. Проблемы не нужны ни нам, ни вам. Правильно?

Водитель кивнул. Похоже, он и сам был уже не рад, что затеял разборку.

– Меня все поняли? – с нажимом уточнил Новиков.

По оконному стеклу струйками стекала вода. До деревни оставалось еще километров пятнадцать, а то и двадцать. Достаточно, чтобы основательно вымокнуть и простудиться...

– А чего тут непонятного? – Жора с видимой неохотой поднялся, подхватив свой рюкзак. – Вставай, Веранда. Которая из этих сумок твоя?

Несколько минут они стояли молча, провожая взглядами автобус. Вера нервно куталась в дождевик. Жора курил, пряча от дождя сигарету в кулаке.

– Нам пора, – напомнил Новиков. – Двигаться нужно максимально быстро, если мы хотим добраться до темноты...

– Куда доберемся? – испугалась Вера. – За нами разве не пришлют машину?

– Ага, пришлют. Катафалк скоро подъедет! – Жора сплюнул и отшвырнул окурок. – Давай свою поклажу, курица, и двигай попой. Или приказ начальника не расслышала?

– Куда же мы пойдем? – Вера растерянно посмотрела сначала себе под ноги, а потом по сторонам. – Кругом грязь. И дождь идет. Мы промокнем. Я даже зонтик с собой не взяла...

– Представляю, как бы мы выглядели, – хмыкнул Жора. – Драма на охоте. Сцена третья: те же и Вера. С понтом под зонтом!

– Бывают места похуже, можете мне поверить, – заметил Новиков, взваливая на плечо потрепанную брезентовую сумку. – Метров через пятьсот должен быть поворот. От него до молокозавода ровно девять километров. А уже оттуда нас до «Победы» любой водитель молоковоза подберет. Люди в этих местах отзывчивые...

Отзывчивость местного населения Новиков, похоже, переоценил. Первый самосвал, который шел в попутном направлении, даже не остановился. Шофер наоборот прибавил скорость, обдав пешеходов грязью и дизельным выхлопом.

– Коз-злина! – заорал вдогонку Жора, вытирая лицо мокрым носовым платком. Цифры на номере, заляпанном грязью, разглядеть ему не удалось...

За два часа Новиков темп так и не снизил. Жора изо всех сил старался от него не отставать. Штаны намокли уже до колен, ботинки изрядно потяжелели, а ноги постоянно разъезжались на размокшей колее. Рюкзак становился с каждой минутой тяжелей. За сохранность аппаратуры Жора не беспокоился – рюкзак выдержит. Его больше беспокоили ботинки, которые он купил на днях. Слишком тяжелыми оказались. Опять же, кто знал, что придется в этих ботинках преодолевать такие расстояния...

Когда Новиков остановился, Жора облегченно вздохнул. Он действительно устал. Ему еще несколько раз приходилось возвращаться назад, чтобы подгонять Веру, стильный беретик которой давно сбился набекрень, брючки и сапожки перемазались в грязи, а яркий дождевик обвис от влаги. Но держалась Вера мужественно.

Дождь, по всей видимости, не собирался останавливаться до утра. Потревоженная людьми стайка ворон переместилась подальше от края дороги. Мокрые птицы прохаживались по свежей пашне. На непрощенных гостей они косились недружелюбно. Жора выудил из пачки помятую сигарету, привычно зажал ее в кулаке и попытался прикурить. Колесико одноразовой зажигалки прокрутилось вхолостую. Намок кремень...

Молоковоз показался лишь спустя полчаса. За рулем сидел молодой парень в засаленном ватнике и в бейсбольной кепке с длинным козырьком, на которой с трудом угадывалась надпись «Keer Smiling!». Он остановился и гостеприимно распахнул дверь. Правда, кабина молоковоза для троих пассажиров оказалась слишком тесной. Но Вера сразу же согласилась сесть к Жоре на колени. В этот момент она согласилась бы на все. Ее зубы уже по собственной инициативе выстукивали международный сигнал бедствия – три точки, три тире, три точки...

– Что, подмерзла, кудрявая? – сочувственно поинтересовался водитель молоковоза. – А ты скинь плащик и укройся одеялом. Оно там, за спинкой сиденья.

Освободившись от промокшего дождевика, Вера замоталась в колючее одеяло из верблюжьей шерсти.

– Вера... – тихо сказала она.

– Что?

– Это меня так зовут – Вера.

– А-а, понял. Меня обычно Толиком кличут, – улынулся парень и покосился на Новикова. – Очень, значит, приятно...

Минут через десять она действительно перестала дрожать и даже попыталась отстраниться от Жоры.

– Да успокойся ты, – не выдержал он. – И не дергайся. Я на твою девичью честь не собираюсь покушаться.

Вера хлопнула носом и отвернулась. Вдоль дороги тянулись покосившиеся постройки – темные и мрачноватые на вид.

– Это что? – поинтересовалась она.

– Так это она и есть – «Победа»! – Водитель молоковоза задорно рассмеялся. – Что, не нравится?

– Да нет, ничего... – Вера смущенно поправила мокрую прядь волос. – И чистенько тут у вас...

В незнакомом месте Новиков всегда засыпал плохо. Да и утомление сказывалось. Самый молодой Арбитр Министерства безопасности два часа безрезультатно ворочался в постели, изучая паутину трещин на потолке. Сон не приходил.

Вечер перед дорогой выдался суматошным, сама дорога – длинной. Сначала они четыре часа болтались на грузопассажирском дизеле до станции «Жатва». Там пару часов просидели на автостанции в ожидании автобуса. Автостанция – одно название. Лавочка под деревянным навесом рядом с рынком. А потом этот утомительный марш-бросок по пересеченной местности с двумя клоунами на хвосте. Хотя урок, по его мнению, даром не прошел. Клоуны угомонились и присмирели. Но сложности еще не закончились – это факт. Работать с таким составом Трибунала Новикову еще ни разу не доводилось. Худший вариант и придумать трудно. Адвокат – Вера Одуванчик. Техник – Жора Катастрофа...

Новикова одолевали холод и сырость. По углам темнела плесень. Пружинный матрас провисал почти до пола. Кровать скрипела, стонала и отчаянно сопротивлялась каждый раз, когда Новиков пытался повернуться на другой бок. Почти как его жена. Впрочем, управляющий честно предупредил, что гостиница не в лучшем состоянии, и советовал остановиться в его доме. Но Новиков предпочел гостиницу. Как его звали, этого управляющего? Кажется, Василием Васильевичем. Или Петровичем? Невысокий, коренастый, на голове густая копна волос с благородной проседью. Пухлые губы, большой нос, пышные усы. Не очень здоровая, ноздреватая кожа. В общем, Новикову он не понравился...

Гостиница оживала лишь на пару недель в году – во время уборки урожая. Операторы зерноуборочных комплексов и водители зерновозов не любили ночевать в кабинах своих машин. По здешним меркам, они считались людьми состоятельными и могли потратить деньги на более сносные условия проживания...

От размышлений Новикова отвлек посторонний звук. Он прислушался. Потом встал и осторожно подошел к окну, сдвинув остатки штор. Фонарь над крыльцом не горел, но небольшой гостиничный двор хорошо просматривался и в лунном свете. По центру – от сарая до крыльца – тянулась узкая тропинка. Остальная часть заросла лопухами. Особенно густые заросли тянулись вдоль старой теплотрассы. Дождь закончился, и ветер гонял по двору мокрый бумажный мусор. Тени двигались равномерно, как им и полагалось.

До рюкзака всего один шаг. Мягкая кобура всегда сверху. Одно движение и Новиков ощутил в ладони привычную прохладу ребристой рукояти. Оружие должно быть под рукой. Со снятым предохранителем. Однажды эта привычка уже спасла ему жизнь. С тех пор он всегда стреляет первым. И у двери никогда не стоит. Самая удачная позиция – у капитальной стены, которая дальше и от окна, и от двери. В углу самый широкий сектор обзора и риск поражения в случае рикошета снижается...

В приоткрытую дверь просунулась лохматая голова Жоры.

– Георгий, включите свет, если вам не трудно, – попросил Новиков.

– Ваша Честь, вы не спите! – обрадовался Жора.

Единственная лампочка, свисавшая с потолка на длинном проводе, изрядно запылилась. Но даже такого тусклого освещения хватило, чтобы Жора разглядел в руках у Новикова автоматический пистолета «Оса». Он так и застыл, наполовину просунувшись в дверь. Тридцать седьмой калибр, увеличенная до восемнадцати патронов емкость магазина, возможность стрельбы очередями. Этот легкий и относительно компактный пистолет, изготовленный из титанового сплава, Новикову нравился.

– Георгий, в Академии вас ничему так и не смогли научить. И все же, постарайтесь в следующий раз действовать более осмотрительно. Не надо подкрадываться к моей двери. А тем более, по ночам.

– Виноват, Ваша Честь. Я не...

– Можете называть меня Дмитрием Евгеньевичем. Честно сказать, мне очень не хочется, чтобы завтра весь Русско-Полянский уезд знал о том, что мы не группа инженеров из города, а полевой Трибунал. Если не ошибаюсь, это ваш первый опыт?

– Первый, да... – Жора смутился. – Но я уже участвовал в двух Процессах.

– Не сомневаюсь. Но у полевого Трибунала есть своя специфика. Вы ее скоро поймете. Соблюдая несколько простых правил, можно дожить даже до отставки по выслуге лет.

– Я просто хотел...

– Ложитесь спать, Георгий. А завтра подготовьте для меня аналитическую справку. Интересуют любые упоминания Русско-Полянского уезда, а тем более крестьянского товарищества «Победа» в оперативных отчетах последних 10 лет. И еще. Наша рабочая смена в зернохранилище начинается вечером – в 18-00. Надеюсь, вы еще не забыли про «легенду»?

Жора поморщился. Легенду лепили на коленке. Хозяйство закупило новое оборудование для сушильной установки зернохранилища, а бригада монтажников задержалась. Управляющий заверил, что специалисты приедут не раньше, чем через две недели. Вот они и договорились, что Трибунал будет делать вид, что занимается монтажными работами. Никто, мол, даже не усомнится ни в чем...

Утром Вера выглядела бодрой. Её поселили в доме секретаря наблюдательного совета «Победы» – Анжелики Ивановны. На этом настоял управляющий. Негоже, сказал он, когда женщина под одной крышей с двумя мужчинами живет. Начнутся пересуды. Новиков не хотел пересудов, поэтому сразу согласился.

В предвкушении завтрака настроение у Веры с каждой минутой улучшалось. Чего нельзя было сказать о Новикове, который забылся лишь с рассветом.

– Кто-нибудь знает точный адрес местного кафе? – поинтересовался он, зевая и непрерывно потирая виски.

– Я знаю, – с готовностью откликнулась Вера. – Мне Анжелика Ивановна объяснила. Здесь рядом.

– В этой дыре всё рядом, – хмыкнул Жора, но сразу сник под пристальным взглядом Новикова.

Судя по тому, что зал кафе практически пустовал, основной поток желающих позавтракать уже разбрелся по рабочим местам. Скучающая повариха на раздаче переставила поближе подносы с выпечкой и приветливо улыбнулась.

– Это вы и есть – командировочные? И надолго к нам?

– Мы и есть, – согласился Новиков. – Надеюсь, что ненадолго.

– Вы за наличные или под запись питаться будете? – кивнула головой повариха, удовлетворенная ответом. – Наше начальство командировочным тоже под запись разрешает.

Новиков оглянулся на Веру с Жорой.

– Тогда и нам под запись, если начальство разрешает, – кивнул он.

– А у вас сигареты под запись можно брать? – любопытствовал Жора. Получив утвердительный ответ, он приободрился. Первая приятная новость за утро.

Меню разнообразием не баловало. Зато порции были большими. Да и готовили местные поварихи вкусно – по-домашнему. После блинчиков со сметаной, теплой ватрушки и большой чашки ароматного чая даже у Новикова улучшилось настроение. А вот Жора наоборот начал хмуриться.

– Дмитрий Евгеньевич, я могу ошибаться, конечно, но за нами внимательно наблюдают, – не выдержал он.

– Кто? – спокойно поинтересовался Новиков. Он вытер губы бумажной салфеткой и откинулся на спинку стула.

– Дама, которая сзади вас сидит. – Жора уткнулся носом в чай. – Сейчас она относит посуду. Теперь идет к выходу...

Новиков потом не один раз вспоминал эту минуту, когда впервые увидел Илону. Вот он аккуратно складывает кораблик из бумажной салфетки. Последнее движение и двухтрубный дреднот отправляется в плавание по белой поверхности стола. Потом он как бы невзначай поднимает голову. Она как бы невзначай оборачивается. Ее взгляд скользит поверх голов, а Новиков тут же опускает взгляд в пол. За секунду он зафиксировал в памяти все, что его интересовало. Илона ушла, но эта секунда так и осталась висеть в воздухе, смешиваясь с ароматами корицы и ванили, долетавшими с кухни.

– Лет тридцать. Может чуть старше, – сказал Жора. – Судя по одежде, не местная. Либо приехала погостить. Например, к матери...

– Георгий, избавьте меня от ваших доморощенных умозаключений? – Новиков вздохнул. – Даже дознаватель из уездной жандармерии проявил бы большую сообразительность. Допустим, что женщина приехала в гости к матери. Нежели бы мать отпустила бы ее на завтрак в кафе?

У Жоры задергалась правая щека. Но он быстро справился с эмоциями.

– Она выглядит подозрительно.

– Может быть, – согласился Новиков.

– Мы пойдем или будем здесь сидеть до обеда? – не выдержала Вера. – Не слишком ли много внимания этой крашеной выдре?

– Идите, Вера, идите, – разрешил Новиков. Вы свободны до вечера. Георгий, я надеюсь, помнит, чем он должен заняться. А я немного воздухом подышу...

– Книжку что ли почитать? – Вера скривила пухлые губы, подправленные силиконом и татуажем.

Впереди её ждали несколько скучных дней. Единственная задача Адвоката – следить, чтобы Арбитры в ходе Процесса соблюдали права обвиняемых в малефиции, гарантированные Конституцией Российской Федеративной Республики. Не слишком сложная задача. Формальность, скорее...

Жилые дома в центральной усадьбе «Победы» строили вдоль главной улицы. Чтобы дойти до крайних строений, Новикову понадобилось двадцать пять минут. За ними дорога начинала петлять и пропадала в поле. Где-то там, за поворотом, располагалось отделение, где жил обслуживающий персонал животноводческого комплекса. Собственное молочное стадо в «Побед», насколько успел понять Новиков, было большим. В этом убеждал и специфический запах, доносившийся с легким ветерком.

Новиков вернулся к перекрестку. В здании правления он уже побывал вчера. Рядом – средняя школа. Дальше шли, как он помнил, хозяйственные объекты. Автобаза, строительный цех, овощехранилище, сыроварня, коптильня, колбасный цех, электрическая подстанция и что-то еще. Производственные объекты интереса для Новикова не представляли, поэтому он свернул направо – к двухэтажному особнячку с подобием колонн. Не было никаких сомнений в том, что это Дом культуры. Да и на ржавом металлическом щите еще можно различить надписи: «Смотрите сегодня» и «Смотрите завтра».

Лет тридцать назад, когда сибирская пшеница ворвалась на мировой рынок, крестьяне приободрились. Денег им стало хватать даже на излишества. В те же годы Дома культуры начали строить все. Хвастались перед соседями, страшно гордились и даже соревновались в том, у кого Дом получился выше, больше и культурнее. А через десять лет мировой рынок предпочел сибирской пшенице дешевое зерно из Аргентины. Прибыли упали. Финансирование культуры урезали. Судя по всему, в «Побед» даже кинозал давно работал с переборами.

Новиков подпернул широкие штанины модных джутовых брюк и аккуратно присел на парапет недействующего фонтана. Поковыряв землю тупым носком ботинка, он вздохнул. Рыцарь ордена Святого Георгия Победоносца, Кавалер Меча и Молота третьей степени Дмитрий Новиков даже себе не хотел признаться в том, что волнуется, как выпускник десятилетних юридических курсов дистанционного обучения.

За время работы Арбитром Новиков провел уже двадцать шесть Процессов. И двадцать шесть приговоров привел в исполнение. Его стремительной карьере завидовала как минимум половина управления. Еще бы, любимец Владлена Пономарева. Как считали многие, Его Превосходительство видел в нем своего будущего первого заместителя. Никто даже не догадывались, что небо над головой Новикова не всегда было таким безоблачным. И что до сих пор он так и носил на себе отметину Мальчика из Интеллигентной Семьи...

Родители Новикова – инженеры-путейцы. Они постоянно переезжали с места на место. И родился Дима на очередном железнодорожном перегоне – где-то между Карасуком и Кулундой. Правда, когда подрос, родители получили небольшие должности в управлении Западно-Сибирской железной дороги и осели в Омске. Неудивительно, что после окончания школы Дима хотел только одного – поступить в высшее техническое училище инженеров железнодорожного транспорта на факультет подвижного состава. Дима бредил тепловозами и электровазонами. Назубок знал их технические характеристики и даже на звук мог определить модель пролетающего мимо локомотива.

Сметливый студент попал в поле зрения Минбега на последних курсах. А после вручения диплома Диму пригласили на беседу в старый трехэтажный особняк на Тополином проспекте. О том, что это было собеседование, он догадался не сразу. А когда догадался, категорически отказался от заманчивого предложения. Локомотивное депо, в котором он несколько лет приходил практику, уже подготовило место для пытливого молодого специалиста. Директор даже гарантировал помочь с жильём. К защите дипломного проекта Дима успел жениться на сокурснице Ане и обременить себя семейными проблемами, а депо обещало выступить гарантом для получения ипотечного кредита, и даже погасить половину суммы за своего специалиста.

Но и Министерство безопасности не отступило. В итоге Дима Новиков все же оказался в штате управления. Вот тогда и начался его стремительный карьерный рост. Сначала восемь месяцев он отучился в Академии Минбега в Коломне, потом два года отработал в отделе эко-

номической безопасности – оперуполномоченным. Колосовский, Тевризский и Тарский уезды Новиков исколесил вдоль и поперек. Практически сутками сидел в засадах, выслеживая бригады «лесных братьев», которые беззастенчиво вывозили из Омской губернии миллионы кубометров соснового леса.

Потом Новиков был тяжело ранен во время операции в одном из глухих таежных лесхозов и после поправки год отработал в должности аналитика. Попутно он получил второе высшее образование – уже заочно. Диплом экономического факультета Омского университета оказался совсем не лишним. Перспективного молодого сотрудника вскоре отправили в университет Лозанны – прослушать двухлетний курс юриспруденции. За счет Управления, естественно.

Вернулся он в Омск уже советником третьего класса и заместителем начальника отдела общей безопасности. И снова работал сутками, мотаясь по отдаленным южным уездам. Когда его начальник неожиданно для всех подал рапорт о досрочной отставке, Новиков тут же принял отдел. Спустя год советник безопасности второго класса Дмитрий Новиков стал помощником Председателя Большого Жюри. А еще через год был назначен Арбитром и возглавил Третий полевой Трибунал. В тот же день, когда вышел приказ о его назначении, Тайный Совет ордена Святого Георгия Победоносца торжественно вручил новому адепту символический знак принадлежности к ордену – рыцарский жезл. Мечты сбывались.

О своей юношеской любви к локомотивам Дима Новиков давно позабыл. Он хотел стать Арбитром. А те, кто в разное время оказывались на пути к этой заветной цели, по разным причинам покинули управление. И никаких мук совести по этому поводу Новиков не испытывал. Ему лишь не давали покоя два Процесса – первый и последний. Как он опозорился на первом Процессе, знали все, но давно забыли. Четыре года с тех пор прошли. О неудаче на двадцать шестом Процессе не знал никто. Казалось бы, можно и не беспокоиться. Все улики он сумел вовремя уничтожить. Плохо только, что в порыве пьяной откровенности сознался во всем своей жене – Анне...

Массивная дверь Дома культуры приоткрылась. На крыльцо выскользнул мальчик лет двенадцати с книгами в руках. Новиков отметил про себя, что посетить местную библиотеку нужно обязательно. Из головы не выходила молодая женщина, которую он увидел за завтраком. Было в ней что-то особенное. Во взгляде, походке, осанке, в повороте головы. И девять из десяти, что она работает либо в этом очаге культуры, либо в школе. Так что в школу тоже придется зайти. Или потолкаться где-то поблизости, чтобы появился формальный повод для более близкого знакомства...

За то время, пока Новиков проводил рекогносцировку на местности, Жора успел протестировать оборудование и настроить защищенный канал связи с управлением через собственный спутник Минбеза. Решетку приемной антенны он довольно ловко замаскировал на крыше гостиницы.

– Спасибо, Георгий, – небрежно кивнул Новиков, разглядывая аналитическую справку. – Теперь моя очередь поработать. Обедайте без меня. Далеко не отлучайтесь. Ваша помощь может еще понадобиться...

Новиков плотно прикрыл дверь комнаты и опустил на жалобно скрипнувшую кровать. При дневном свете гостиница производила еще более гнетущее впечатление, чем ночью. Было по-прежнему холодно. Оставалась, правда, надежда, что ближе к вечеру комнату прогреет солнце. Справку, подготовленную Жорой, он сразу отложил в сторону. Сибирская горячка – это крепкий орешек. С длинной историей...

Первый известный случай *Hysteria Siberiana* произошел в Тобольской губернии в 1869 году и был зафиксирован земским врачом и писателем Владимиром Еремеевым в его записках о путешествии по Сибири, изданных по возвращению в Санкт-Петербург. Крестьянин Сысой из села Чёрное пахал поле. Неожиданно для всех он бросил свой плуг, остановил лошадь,

посмотрел долго и внимательно на закатное солнце, а потом снял рубашку и, не разбирая дороги, побрел через пашню. Догнавшие его односельчане остановить Сысою побоялись. На свое имя он не откликнулся. И вообще ни на что не реагировал. Невидящими глазами он смотрел только вперед. Шел и улыбался.

Шел он долго – четыре дня и три ночи. И все время на запад. При этом преодолел расстояние почти в три сотни верст, чем установил своеобразный рекорд, который до сих пор так и не перекрыт. На территории соседнего уезда крестьянин Сысой упал и мгновенно умер на глазах двух опешивших жандармов. Прибывший по требованию жандармов земский врач Владимир Еремеев признаков насильственной смерти на теле умершего крестьянина не обнаружил. Еремеев пришел к выводу, что смерть Сысою наступила в результате остановки сердца. Все свидетели происшествия лишь разводили руками в недоумении.

Еремеев поговорил с крестьянами не только из села Чёрное. Не поленившись, он объехал и другие села уезда, чтобы собрать более полную информацию. Не исключено, как он написал потом в своей книге, что от подобного недуга сибирские крестьяне страдали и ранее. Еремеев же назвал этот недуг Сибирской горячкой.

А мировую известность болезнь получила с легкой руки Харуки Мураками – дотошного корреспондента японского агентства новостей «Асахи». После подписания в Кенигсберге мирного договора между Россией и Германией в феврале 1917 года, бывший младший офицер двадцать седьмого полка Квантунской армии тайно проник на территорию России. По поддельным документам политэмигранта из Кореи расторопный японец проехал весь Дальний Восток и добрался практически до Урала. От этого путешествия осталась большая серия очерков, которую он позднее собрал в одну книгу и назвал «На Север от границы, на Запад от солнца».

Добавили известности Сибирской горячке спустя полтора десятка лет и французские экзистенциалисты – Жан-Поль Сартр и Альбер Камю, которые с восторгом писали о том, что более экзистенциального образа смерти, чем Сибирская горячка, и придумать невозможно. И еще целых два десятилетия молодые бунтари и европейские радикалы всех стран и всех мастей уезжали на поиски Смысловых Горизонтов во Внутреннюю Сибирь. Там и пропадали, естественно.

Интерес Европы к Сибирской горячке подогревался и регулярными сообщениями об эпидемиях. Причем, большая часть этих сообщений была откровенной выдумкой ушлых газетчиков из «Гардиан», «Ле Фигаро» и «Санди Таймс». А те случаи, которые действительно имели место, никак не могли стать достоянием общественности, поскольку сразу закрывались российскими властями грифом «Совершенно секретно».

К единому мнению о том, что же такое Сибирская горячка, медики не пришли до сих пор. Достоверно было известно лишь одно – от этого недуга страдают исключительно сибирские крестьяне. Всё остальное – сплошная эмпирика. Вирусная теория академика Шевелёва, которой придерживалась официальная медицина на протяжении многих лет, на протяжении этих же лет оставалась и постоянным объектом для критики.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.